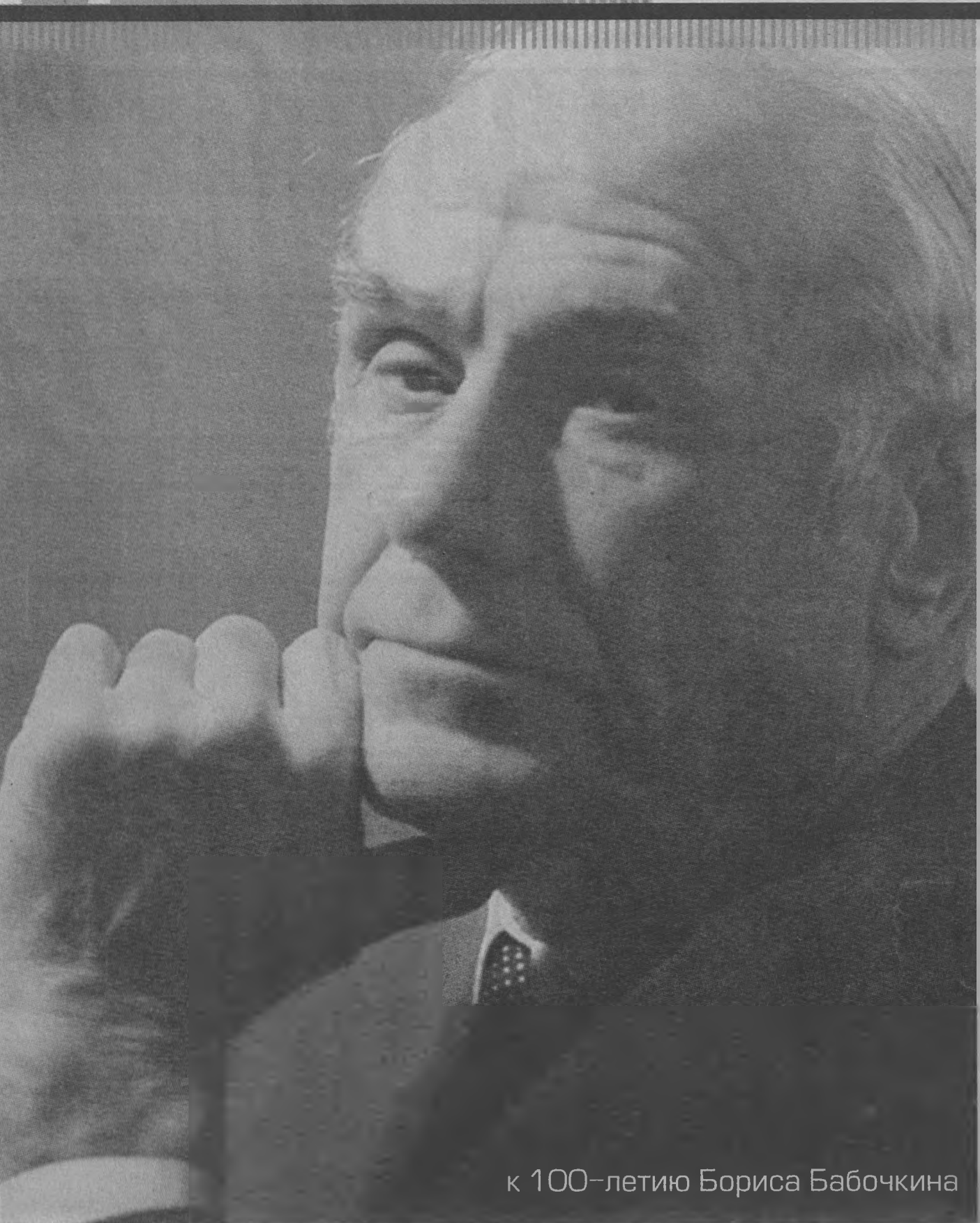

дата

к 100-летию Бориса Бабочкина

В последние годы жизни Борис Бабочкин, несмотря на серьезную болезнь, продолжал работать в театре, сниматься в кино и выступать в телеэпоноках, 1974 год

“товарищу Сталину не понравилось”

01 СТР

два счастливчика

Неожиданная слава «Чапаева» доставила Борису Бабочкину и несколько неприятных профессиональных моментов. Когда в связи с пышно отмечаемым пятидесятилетием советской кинематографии (после национализации ее в 1919 году) он, единственный из огромного количества награжденных актеров, за неделю до своего 31-летия получил высшее тогда звание «народного артиста Республики» (звание «народный артист СССР» появилось лишь два года спустя, и Бабочкин дождался его только в 1963 году), это вызвало настоящий шок в актерской среде.

В Ленинграде ему предложили немедленно устроить по этому поводу банкет в Доме искусств. Многие пришли, но еще больше людей демонстративно не явилось. В БДТ, где работал Бабочкин, в день присвоения ему «народного» не состоялась репетиция хотя бы из-за сочувствия труппы к знаменитому еще до революции 60-летнему Николаю Монахову, давно уже «заслуженному» и только мечтавшему о «народном».

То, что кроме Бабочкина «народным» стал актер и режиссер Владимир Гардин, никого не беспокоило: все понимали, что последнего «осчастливили» скорее за выслугу лет — как-никак четверть века в кино! А тут — за одну только роль! Так же «недоумевали» о «заслуженности» и тоже за одну только роль (в «Веселых ребятах») Любови Орловой.

Но ни те, кто завидовал Бабочкину, ни те, кто радовался за него, не подозревали, что через много лет таким же неожиданным «везунчиком» окажется Сергей Бондарчук, ставший по милости того же Сталина в 32 года самым молодым «народным артистом СССР» за один только фильм «Тарас Шевченко». Но если сравнить культурную значимость для советского кино «Чапаева» и «Шевченко», то Бабочкин в 1935 году должен был стать по меньшей мере трижды «народным», а может, и Героем Советского Союза (это звание было заведено как раз за год до этого, после спасения челюскинцев).

«труд кинематографистов всегда выглядит глупым»

Борис Бабочкин был вторым, после не устроившего Любовь Орлову Бориса Тенина, претендентом на роль режиссера в александровской «Весне». И тоже не устроил мечтавшую только о Николае Черкасове «звезде». Тем не менее, будучи членом худсовета при комитете кинематографии, артист «не помнил зла» Орловой с Александровым и не раз вступался за их многострадальную картину. Когда на нее в который уже раз ополчился главный оппонент фильма Михаил Ромм, Борис Бабочкин повел себя достойнее других.

— Я обижаться не потому, — деланно возмущался Михаил Ромм, — что режиссер в картине выглядит идиотом, — он не глупее всех остальных, все в картине достаточно глупо. Не в этом дело; глупо выглядит сам труд кинематографистов. — А труд кинематографистов всегда выглядит глупым, — неожиданно парировал Бабочкин. — Он глупо выглядит со стороны невежды, впервые попавшего на студию, — не сдался Ромм. — Но если мы тратьм двадцать миллионов и впервые показываем киностудию изнутри, то мне было бы приятно, чтобы правительством и миллионы людей увидели, что этот труд продуманный, серьезный и тяжелый.

Еще на одном обсуждении Михаил Ромм разводил руками: — Ну разве не нелепость, что опереточная артистка берется играть ученого? Вот вы! (он обращается к Бабочкину, подыскивавшемуся в то время в режиссуре и снявшему свой первый, весьма удачный фильм «Родные поля») взяли бы Григория Ярона на роль академика Павлова? — Я уверен, — попытался уйти от ответа Бабочкин, — что вы бы не взяли... — Это неправда! — вспыхнул уравновешенный обычно Ромм. — Вы плохой режиссер и остаетесь врагом кинематографии.

Тем не менее «плохой кинорежиссер» Бабочкин снял через год фильм «Повесть о «Неистовом», а много лет спустя экранизировал своих знаменитых театральных «Дачников».

«Дачники» снимались на «Мосфильме» в творческом объединении, которым руководил Григорий Александров, но он, к сожалению, повел себя более дипломатично, чем Бабочкин, защищавший его «Весну».

«Звонил Александров, — записывает актер (на которого «Дачники» и особенно герой Бабочкина Суслев произвели накануне, на просмотре с глазу на глаз, огромное впечатление), — и высказал мнение худсовета, что картину не стоит представлять на I категорию (по оплате. — Газета), а то комитет кинематографии может «обидеться» (все-таки картина поставлена по мотивам театрального спектакля. — Газета) и даст — чего доброго! — третью».

С большим трудом Бабочкину, заверяя, что он не боится такого поворота событий, удалось уговорить Александрова выставить «Дачников» на I категорию. «Хорошо, — нехотя согласился руководитель объединения, — но я еще раз вас предупреждаю, что может обернуться по-всякому».

Обернулось второй категорией.

ЦК на театр не меняют

Борис Бабочкин задумал поставить в театре шолоховский «Тихий Дон», написал инсценировку, выбрал для себя достаточно скромную роль Кошечего.

Поделился своей затеей с Михаилом Шолоховым. Тот с ходу одобрил: «Обнимаю, желаю!» — и прочее.

Но когда Бабочкин позвонил Шолохову в следующий раз, «с утеренка», тот, с большого похмелья, уже ни о чем не хотел слушать и только орал: «Я с Брежневым не могу увидеться, он уже три дня не принимает Шауро (Василий Шауро, заведующий Отделом культуры ЦК. — Газета). Что же вы хотите, чтобы я дела ЦК сменил на дела Малого театра?»

«Пошел он к черту! Больше я звонить не буду!» — решил Бабочкин и положил трубку. Однако спустя какое-то время Шолохов позвонил сам: — Вот видите, я сам вас нашел, как только освободился. Я тут советовался с товарищами, они дают добро на инсценировку. Как только вернусь из Швеции (с вручения Нобелевской премии. — Газета), так сразу загляну в Мальи.

Однако нобелевского лауреата Малый театр так и не дождался, и Бабочкин продолжал работать с «Тихим Доном» на свой страх и риск...

«я играл не вас, товарищ Сталин»

Однажды Бабочкину «посчастливилось» сыграть самого В.И. Ленина. Но всего несколько раз. Малый театр, следуя своему партийному долгу, поставил спектакль «Незабываемый 1919-й» по пьесе Всеволода Вишневского. В спектакле можно было увидеть Бабочкина — Ленина, занятого всего в одной сцене, Сталина в исполнении Алексея Дикого и даже Игоря Ильинского, удосужившегося изобразить бравого революционного матроса Шебуева, в одноименном фильме сыгранного Борисом Андреевым.

После премьеры состоялось экстренное собрание всей труппы, на котором спектакль был торжественно объявлен эталпным в более чем 125-летней истории старейшего русского театра. Особенно отмечался успех Бабочкина и Дикого, их Ленина и Сталина, появление которых публика каждый раз встречала овацией. Так, на «ура!» прошли десять спектаклей. Но в одно прекрасное воскресенье появление Ленина — Бабочкина аплодисментами почему-то не ознаменовалось. «Случайность!» — наивно решил артист и, как полагалось по роли, вызвал Сталина, чтобы отправить его спасать красный Петроград. Вошел монументальный Алексей Дикий — и тоже без единого хлопка.

Оба взглянули в зал: обычно битком набитый, он был наполовину пуст. Они перевели взгляд на правительственную ложу и увидели там самих Сталина и Маленкова. Понятно, почему спецпублика, находящаяся «при исполнении», не аплодировала. Только в конце спектакля прозвучали жалкие казенные хлопки.

Оба актера взглянули в зал: обычно битком набитый, он был наполовину пуст. Они перевели взгляд на правительственную ложу и увидели там самих Сталина и Маленкова

Сто лет со дня рождения Бориса Андреевича Бабочкина

Весь следующий день Малый театр был в трауре, а через день дирекция объявила, что Бабочкина и Дикого снимают со спектакля: «Товарищу Сталину не понравилось».

— Что именно? — наивно переспросил герой «Чапаева». — Может, что-то переделать, подработать? — Ничего нельзя: не понравилось все.

Созвали еще более экстренное, чем после премьеры, собрание труппы, на котором «эталпность» спектакля, мягко говоря, отмечалась. Начались лихорадочные поиски новых «вождей». Перепробовали десятки актеров со всей Москвы. Наконец, Сталина — Бориса Горбатова обнаружили в Театре Сатиры (потом он стал актером Малого), а Ленина — никак.

И вдруг Бабочкину звонит худрук театра: — Дорогой Борис Андреевич! Милости прошу на репетицию. — Репетицию чего? — «Незабываемого 1919-го». — И кого я должен играть теперь? — Как кого? Того же Владимира Ильича. — Но я же снят с роли. — Что вы, голубчик? Кто вам такую глупость сказал? Это Дикого сняли, а вы здесь совершенно ни при чем.

Но Бабочкин имел наглость не вернуться к роли Ленина, и его сыграл незаменимый в таких случаях Максим Штраух.

Что же касается недовольства Сталина Диким в «собственной роли», то это странно, ибо за несколько лет до этого, после фильма «Сталинградская битва», где Дикий первый раз сыграл Сталина, между вождем и актером произошел такой разговор: — Как же вы взяли меня играть, — открыто недоумевал Сталин, — когда вы абсолютно на меня не похожи? На что Дикий невозмутимо отвечал: — А я играл не вас, товарищ Сталин. — А кого же? — недоумение вождя возросло. — Я играл вашу государственную и политическую функцию.

Тогда вождь остался более чем удовлетворен ответом и удостоил смышленного актера Сталинской премии. Но в «Незабываемом 1919-м» Дикого опять, видимо, потянуло на «функциональное» изображение вождя. А повторений Сталин не любил. Тем более что в 1919 году, в разгар Гражданской, он еще не обладал теми государственными и политическими функциями, которыми был наделен Верховный Главнокомандующий в разгар Отечественной.

Шекспир-анестезиолог

Летом 1921 года семнадцатилетний Бабочкин играл в Иванове в шекспировской сказке «Цимбелин». А сорок лет спустя сидел у зубного врача, и она сверлила ему зуб. И вдруг, успокаивая артиста, врач начала «заговаривать» ему боль, тихо читая стихи из той же сказки. Оказывается, еще девочкой она видела Бабочкина в Ивановском театре и на всю жизнь запомнила шекспировские строки в его исполнении.

— «Неллох мы, видать, тогда играли», — подумал артист, и боль стала беспокоить его меньше, а вскоре, под музыку шекспировских стихов, и вовсе исчезла.

«не бойся, я доиграю»

При чтении дневников Бориса Бабочкина за последние двадцать лет жизни трудно не испытывать удивления: когда он успевал так интенсивно работать в театре, во ВГИКе, на телевидении? Ведь столько дней проведено актером в больничной палате. Объяснение одно: нередко Бабочкин творил вопреки болезни, назло ей. Перед поездкой в Ленинград с пьесой эстонца Раннета «Браконееры», где Бабочкин неподражаемо играл Аадама, с актером случился сильнейший приступ. Врачи выпустили его на гастроли под расписку о том, что они ни за что не отвечают.

Во время первого же спектакля в Ленинграде (у театрального подъезда уже дежурила машина «скорой помощи») приступ по-

вторился. Видя, в каком состоянии находится партнер, Михаил Жаров так испугался, что запутался в тексте. И мучившемуся от приступов боли Бабочкину пришлось несколько раз шептать ему на сцене: «Не бойся, я доиграю».

Жаров на время успокаивался и вспоминал текст. Но потом от вида Бабочкина опять путался, и последнему снова, будто прихватило не его, а Жарова, приходилось приводить партнера в себя. Так, благодаря помощи того, кто нуждался в ней сам, спектакль доиграли. Бабочкина увезли на «скорой», и больше спектакль «Браконееры» (восхитивший зрителей даже несмотря на жаровское путание) ленинградцы не увидели. И не столько из-за Бабочкина, сколько из-за категорического заявления Жарова: еще один такой с — не дай Бог! — приступом спектакль он не сыграет и разболеется сам.

«кто занимается убийствами в Вашингтоне?»

Еще одна «медицинская» история, не столь драматичная. Лежавшая в больнице Рина Зеленая узнала, что на соседнем этаже лечится Борис Бабочкин. Тут же нашла его и взмолилась: — Борис Андреевич, дорогой, расскажите что-нибудь смешное. Тоска здесь, извините за выражение, смертная. — Что же вам рассказать? — задумался артист. — Разве что это... В моей палате разговорились вчера двое «всезнающих». Толковали об Америке. Один сообщил, что в Вашингтоне каждую минуту происходит два убийства. Второй глубокомысленно осведомился: «А кто же там убивает? Сколько мне известно, в Вашингтоне мало промышленных предприятий, но много учреждений и институтов. Кто же занимается убийствами?» Первый, ничуть не задумываясь, отвечает: «Очевидно, главным образом интеллигенция. Ну и студенты, конечно...» Зеленая захихикала.

— Ну что, рассмешил я вас? — спросил Бабочкин и, не дожидаясь ответа, продолжил: — А вот мне совсем не смешно. Вчера прихожу после обеда в палату, и тот, который элементарно объяснил, кто убивает в Вашингтоне дважды в минуту, предлагает: — Ну, товарищ Бабочкин, давайте! — Чего давать? — Анекдоты рассказывайте. Или представьте что-то.

Через несколько дней Рина Зеленая узнала, что Бабочкин сбегал из больницы. Просто оделся и, не предупредив медперсонал, отправился домой. Не желая, видимо, никому ничего «представлять».

непрочитанный Зощенко

В середине двадцатых годов Бабочкин — совсем молодой актер Ленинградского театра сатиры — играл в одной из пьес парикмахера, участника художественной самодеятельности. И должен был на концерте прочесть уморительный рассказ Михаила Зощенко. Но оказывался в состоянии только объявить его название. А потом от одного представления того, о чем ему придется прочесть, не мог удержаться от смеха.

В бесплодных попытках произнести что-нибудь из Зощенко прошло минут пять. Публика уже давилась от смеха вместе с чересчур смешливым чтецом-парикмахером. Несколько раз, напрыгая волно, он пытался взять себя в руки и приступить наконец к рассказу. Но с каждым разом это получалось у него все слабее, и еще через пять минут публика уже сползала от хохота с кресел.

В общей сложности незадачливый чтец провел на сцене минут пятнадцать и, продолжая хохотать над так и не прочитанным им Зощенко, ушел.

Говорят, мрачный и меланхоличный Михаил Зощенко, никогда не смеявшийся при исполнении своих вещей, даже если их читали Игорь Ильинский и Владимир Хенкин, на этот раз смеялся вместе со зрителями, не услышав ни единого слова из того, что написал. А когда семь лет спустя ленинградцы увидели Бабочкина — Чапаева, они были уверены, что уж что-то, а комедийность и даже некоторая гротескность Чапаева имеют прямое отношение к корчившемуся когда-то в приступах смеха бессловесному чтецу Зощенко.

Борис Бабочкин в 1930-е годы — период его наиболее напряженной работы в кино

После главной роли в фильме «Чапаев» (1934) Борис Бабочкин стал всесоюзным кумиром

Борис Бабочкин в роли Хлестакова. Спектакль «Ревизор», 1936 год

Борис Бабочкин в роли Достигаева в спектакле по пьесе Максима Горького «Достигаев и другие», 1971 год